

УДК 821.161.1

Н.И. ИЛЬИНСКАЯ,
*доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой мировой литературы и
культуры имени проф. О. Мишукова
Херсонского государственного университета*

ТЕМА «БОГ И ПОЭТ» В ТВОРЧЕСТВЕ ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА

Рассмотрены поэтологические воззрения Юрия Кузнецова на проблему взаимоотношения творчества и веры, отраженные в его поэзии, эссеистике, интервью. Особое внимание уделено размышлениям автора о границах творческой свободы в обращении к сакральной тематике и образности. Проанализированы рецепция образа Иисуса в поэме «Путь Христа», поздняя лирика поэта, выявлены константы его поэтологической концепции.

Ключевые слова: проблема «христианство и литература», мифологема пути, традиция, мотивы богоискательства, образы-символы, национальная ментальность.

«Я долгие годы думал о Христе. Я впитывал Его через образы, как православный верующий впитывает Его через молитвы», – так объясняет Ю. Кузнецов истоки веры и религиозно-философской темы в своем творчестве. Сияние горнего в поэтических образах – один из самых ярких ориентиров на пути обретения Бога живого, к которому он «пробирался» через «двадцать столетий».

Значимость темы творчества, «религиозного оправдания и осмысления культуры» (Н. Бердяев) в русской поэтической традиции имеет трансисторический характер. Ее актуальность возрастает в нестабильные эпохи. В художественном сознании это связано с рецепцией образа Иисуса, с осмыслением границ творческой свободы в обращении к сакральным темам и образам. Всегда волновавшая Ю. Кузнецова тема «Бог и поэт» особенно остро заявлена в последнее десятилетие его творчества. Это поэтическое переложение «Слова о Законе и Благодати» Илариона, религиозно-философские поэмы «Путь Христа», «Сошествие в ад», стихотворения «Вечный изгнанник», «Слово», «Отрицание», «Книги», «Классическая лира», «Ложе сна», «Поэт и монах», эссе «Воззрение».

О таких аспектах поэтической концепции Ю. Кузнецова, как отношение к «собратьям по перу», к читателю, к «традициям российского стиха» написано достаточно как в прижизненной автору критике, так и после его ухода. В статье рассматривается один из ее аспектов – взгляды поэта на взаимосвязь творчества и веры, отраженные в его поэзии, эссеистике, интервью.

«Определение поэзии» Ю. Кузнецова опирается на давнюю, идущую из архаических времен, идею боговдохновенности поэта и святоотеческое определение Бога Художником. Так, в «поклонении волхвов» (поэма «Путь Христа») среди евангельских даров Чудному Младенцу автор помещает пастушью дудку. Образ можно прочесть как символ будущего пастырского служения («Пастырь Господень» – одно из имен Сына Божия) и как аллюзию на принадлежность к миру поэтов (срв. у С. Есенина: «Я – Божья дудка»).

Наследуя средневековой традиции русской культуры, Ю. Кузнецов считает поэта не столько создателем «энергии прекрасного», сколько ее проводником: «Бог сотворил человека из земного праха и вдохнул в него свою малую частицу – творческую искру. Эта Божья искра и есть дар поэзии». [...] А первый поэт – это сам Бог» [1, с. 8]. По мере ухода поэ-

зии от питающего ее духовного источника, мельчает творчество и, как с самоиронией констатирует поэт, «в вечерней мгле» случилось и светляка принимать «за искру Божью» (стихотворение «*Поэт молчанья*»). Тема «Бог и поэт» стереоскопично отражает «следы» насильственного разрыва традиции, оскудения веры, блуждания в поисках иных ценностей, и, наконец, обретение Истины: «И всюду открывалась мне дорога, / Ведущая в обетованный Дом / Где вещи мира источают Бога» (стих. «*Муха в янтаре*»). Душа странника, прошедшая скорбный и радостный путь Богопознания, возвращается в Небесное Отечество, в Дом Отца: по воспоминаниям близких, именно слово «домой» было у Юрия Поликарповича последним [2, с. 100].

Размышления автора о границах творческой свободы в обращении к сакральной тематике и образности содержит поэма «Путь Христа». Так, в ее журнальном варианте есть вставной эпизод, в основе которого – парафраза легенды о нерукотворном образе Иисуса. Известно, что в русской иконографии образ Спаса Нерукотворного – это икона икон. Уже в самом названии «заложена концепция любой иконы, в которой всегда важное место отводится тому, что лежит за пределами человеческого творчества» [3, с. 59]. Отталкиваясь от легендарных версий происхождения нерукотворного образа, Ю. Кузнецов создает свой миф.

По таким жанровым признакам, как эпичность, аллегоричность и иносказательность, дидактизм, условность, внеисторичность пространственно-временных отношений, наконец, вставной характер, повествование тяготеет к сюжетно-аллегорической притче. Речь в ней идет о художнике, который, увидев в духовной пустыне идеал человека (Им был воплотивший Истину и красоту Иисус Христос), воссоздает Его образ на полотне. Однако Спаситель, вопреки ожиданиям «искусника», весьма скептически оценивает его творение как «пустое подобье» [4, с. 4], поскольку оно является прежде всего плодом самовыражения.

Ю. Кузнецов реконструирует ситуацию, восходящую к мифологическому претексту – творческому состязанию между богом и простым смертным, интерпретируя его в русле своей поэтологической концепции. «Христос – тоже поэт», по утверждению автора поэмы «Сошествие в ад», прикладывает свой Лик к куску холста, но отбившийся на нем «нерукотворный образ» зияет пустыми глазницами. Почему не происходит чуда? Да потому «образ слеп», что обделенный «духовным зреньем» (одно из ключевых понятий поэтологии Ю. Кузнецова) художник не видит Христа. Лишь после многовековых исканий на пути Богопознания картина посмотрела «живыми глазами», но «небесами» просияла она «только на миг», «только на миг человеку явился Христос». (Сравним у И. Козлова: «Я быстрый миг / Ты – вечный Бог»). Рефрен «только на миг» заостряет внимание на высокой значимости Спасителя в жизни и творчестве автора, для которого «разговоры» с Богом – не «повод» и не «материал». Горние сферы духа нельзя «охватить» даже самыми совершенными художественными формами. Это откровение приходит к поэту на пути ко Христу как Истине и жизни. Как видим, аллегорический подтекст достаточно прозрачен: Ю. Кузнецов утверждает фундаментальную ответственность художника при обращении к христианским мотивам и образам, перед традицией как точкой отсчета на пути восхождения к духовным вершинам, к тому трансцендентному, что находится «за пределами человеческого творчества».

В осмыслении Ю. Кузнецовым христианских основ творчества важным представляется еще один аспект – мысль о прелести и соблазне искусства: «В сердце поэта есть тьма...» (напомним известное блоковское: «Искусство есть Ад»). В стремлении преодолеть трагические противоречия между христианством – вечной питательной почвой культуры и секуляризированным искусством – Ю. Кузнецов также наследует русской духовно-поэтической традиции. Достаточно трезво осознавая демонический лик красоты, поэт замечает: «Моя поэзия – вопрос грешника. И за нее я отвечу не на земле» [5, с. 6].

Авторские размышления о природе поэтического дара подчеркивают его амбивалентный характер. Так, «орлиное перо» в одноименном стихотворении, символизирующее творческий дар, демонизировано за счет происхождения и избранности того, кто им отмечен; метонимически «орлиное перо» несет в себе коннотации гордыни – одного из семи смертных грехов. Вручает его какая-то «темная сила» – «прохожий или бес», то есть пришельцы из иномирия. С другой стороны, поэт, получивший этот «дар случайный», ощущает себя носителем духа, восставшего «над общей суетой». Выход за пределы осознает-

ся поэтом как восхождение, взлет, духовная вертикаль, но высота, на которую поднимается его мятущаяся душа, обжигает «горным льдом» отчаяния и одиночества.

Отметим и другие аспекты в звучании темы «Бог и поэт»: трагическое переживание поэтом потери слова, подмены Божественного Глагола словом профанным (обыденным). Мифопоэтически это состояние сопоставляется с утраченным раем: «Я изгнан из Божьего Слова / В пустые земные слова» (стих. «Вечный изгнанник»). Посредство антитезы Слова и «словечка» поэтом реализуется мотив богоборчества, отпадения человека от Творца: «Вначале было Слово, / Потом словечко «но» (стих. «Отрицание»). Перерождение творчества в ремесленничество, грозящее культуре вырождением, поэт называет «кровосмешением слова и письма» (стих. «Новый Герострат»).

В творчестве Ю. Кузнецова последних лет тема творческого дара приобретает новое качество – благоговейное преклонение перед его источником, которым в христианстве мыслится только Бог: «Я сплю на Слове. Каюсь, Боже! / Чудно сияет это ложе... / И пью из Твоего дыханья / Сладчайшие благоуханья» (стих. «Ложе сна»). Синергичность творческого процесса с Создателем – то новое, что появляется в концепции творчества Ю. Кузнецова и укореняет ее в религиозно-философских основаниях русской поэзии.

По остроумному замечанию Д.Е. Максимова, все писатели делятся на «путных» и «беспутных» в зависимости от того, какое место в их «судьбе и вести» занимает идея пути. Несомненно, Ю. Кузнецов в одном типологическом ряду с высокочтимым им «путным» А. Блоком, и с теми, кто, по слову самого автора, открывают в русской поэзии «дорожную череду»: М. Лермонтовым, Н. Некрасовым, Ф. Тютчевым, И. Тургеневым. И это далеко не полный перечень.

Однако стоит обратить внимание и на ту черту национальной ментальности, которая названа Н. Бердяевым «духовным странничеством». В теме «Бог и поэт» Ю. Кузнецовым воплощен его путь к Граду Небесному. И хотя об этом вся его поэзия, можно обозначить несколько стихотворений как знаковые. Начало – стихотворение «Все сошлось в этой жизни и стихло» (1967), в котором впервые появляется образ распятия как символ страданий самого поэта, затем «Распутье» (1977) и, наконец, «Крестный путь» (1998).

Авторское название рукописи последней книги «Крестный путь» – это не просто заголовок – так поэт определяет свою творческую судьбу. Об этом – одно из самых проникновенных и трагических его стихотворений с одноименным названием.

Субъектно-образная структура «Крестного пути» моделирует визионерское странничество поэта между двумя мирами. Пространственно-временная картина мира создается набором оппозиций, принадлежащим мифопоэтической парадигме: та сторона – эта, жизнь – смерть, мир людей – иномирие, камень – пыль, горизонталь («Я иду ...вдоль заветных крестов») – вертикаль («С обратной сторонюшки я распят на кресте»), память – забвение. Знаковое пространство маркировано символами перехода и смерти: ворон, пыль (персть, прах), пропасть, та сторона. В сильной позиции текста – заглавии – актуализирована мифологема Крестного пути искупления, пройденного Христом, за которым «через пропасти» поэт идет к своей Голгофе – со-распятию с Сыном Божиим.

Как известно, мифологема пути маркирована словами-сигналами: *порог, граница, мост, стрела, горизонталь / вертикаль, тропа, гора, перекресток* и др. Особое значение имеет вектор пути: «геометрия прямого (праведного) пути», кривизна «бесовского вождения (кружения кривды, блуд блуждания) / демонической распутицы (ср. *распутник, путанка, распутица, бес попутал*) [6, с. 431–432]. Хронотоп пути у Ю. Кузнецова отмечен такими знаковыми для национальной ментальности образами, как распутье или перекресток, мост, встреча / не встреча, конечная точка, гора (горушка), стрела. Стихотворение с символическим названием «Распутье», являясь одной из вех на творческом и духовном пути поэта, – отражает трагизм тотального одиночества духовного странника в тесном пространстве XX в. Осознание апокалиптического катастрофизма, одинаково захватившего земное и вселенское («Через дом прошла разрыв-дорога, / Купол неба треснул до земли»), заставляет поэта выйти на распутье – перекресток судьбы. Как в фольклоре, так и в тексте Ю. Кузнецова образ распутья многопланов: это выбор верных ориентиров, место принятия судьбоносных решений, символ душевного состояния. Как известно, символика перекрестка амбивалентна: перекресток дорог – это место перехода из одного пространства в

другое, «вотчина» Гекаты, бесов и ведьм. Напротив, в теологеме Креста перекресток – это вечная Встреча человека и Бога, «твари и Творца» [6, с. 432]. В стихотворении Ю. Кузнецова пространство встречи оказывается пустым: на распутье поэт не видит Бога, тайна спасения остается неразгаданной, «мосты – между добром и злом» догорают. «Пыль» – ключевое слово в поэтологической концепции автора и сквозной образ в творчестве, в этом стихотворении находится в одном семантическом ряду со «славой»: «Славу или пыль метет вдали?». Несмотря на богооставленность, поэт взывает высокой духовности и Абсолютного добра, иначе его творчество ожидает участь «пыли», поднятой тщетой земной славы.

Стихотворения «Распутье» и «Крестный путь» объединены в единый текст мифологемой пути, автоцитациями, мотивами богоискательства, размышлениями о сути творчества, сквозными образами-символами, маркирующими национальную ментальность. Однако не менее показательны отличия. Во втором стихотворении, по сравнению с первым, более четко обозначена исходная позиция – «та сторона», есть ориентиры – «заветные кресты» и конечная точка – сакральное пространство «дальней каменной горушки», на которой поэт «с обратной сторонюшки распят на кресте». Его «крестный путь» – это трагические раздумьями на извечными вопросами «русских мальчиков»: есть ли Бог и есть ли бессмертие? А еще над тем, что такое творческое бессмертие и слава как мирские понятия в категориях Спасения и Вечности («Хоть на каменной горушке, / Крестный путь не пыли!»)? И если на «распутье» поэт только ищет ответы на эти вопросы, то во втором стихотворении он находит свое предназначение как человек и творческая личность, но уже не во времени, а в Вечности, на Кресте Христа, победившего смерть.

Образ распятия поэта «с обратной сторонюшки» имеет глубокий сакральный подтекст. Как известно, если на лицевой стороне Креста помещено Распятие, то клейма и обратная сторона Креста служат для развития темы Апостольской церкви. Выбор иконографических сюжетов связан с историей Православной церкви, с канонизацией первых русских святых, а также с особенностью духовного пути владельца Креста. Распятие на обратной стороне Креста вводит поэта и его творчество в сонм Божьего воинства и мучеников, побивающих бесов, радеющих за Христову веру и Церковь в период напряженной духовной брани.

Такая модель подражания поэту Христу в русской поэзии XX в. представлена впервые. С предшественниками и современниками Ю. Кузнецова объединяет прежде всего то, что «каменная горушка» с Крестом – центром и опорой мира – становится точкой пересечения авторской судьбы и мистерии Иисуса Христа, но поэт расставляет свои акценты. Исключительно целомудренное отношение к Спасителю не позволяет Ю. Кузнецову переводить христианскую мистику в миф собственной жизни: «...строгость Божью с трепетом и дрожью / Он принимает, словно Благодать». Подчеркнем, что это также традиция исконно русской религиозности.

В теоретическом осмыслении проблемы «христианство и литература» можно выделить несколько точек зрения. С ортодоксальных позиций религиозная поэзия рассматривается исключительно в ее церковно-прикладной функции – проповеди религии и учения Христа, полное подчинение художественности канону и догматике. Секулярная, утверждая известную автономность поэзии от религии как разных видов духовной деятельности, отстаивает иную крайность. Представители светского типа творчества считают возможным использование евангельских сюжетов, образа Христа, религиозной символики как мифологем, культурных кодов для решения как сугубо поэтических задач (саморефлексии, поэтологических концепций), так и в эпатажных целях. Третью позицию отличает стремление к преодолению исходного напряжения между «миром» и «монастырем», к диалогу религиозного и творческого сознания. В поэтологической концепции Ю. Кузнецова поставлена и блистательно решена проблема творчества и веры, которая не имеет однозначного толкования, поскольку каждый художник ищет свой путь.

Знаменательно название большого стихотворения Ю. Кузнецова «Поэт и монах», написанном в форме «разговора о назначении поэта и поэзии». Автор моделирует ситуацию диалога поэта с тенью недавно опочившего монаха, в котором сталкиваются два представления о поэтическом творчестве. В инвективах монаха творчество в его мирской ипостаси дело греховное, им не оправдаться в «последние времена»: «Искусство – смрадный грех, / Вы все мертвы, как преисподня, / И ты мертвец – на вас на всех / Нет благовестия Господ-

ня. / В преддверье Страшного суда / На Рафаэлевой картине – / Завеса бледного стыда, / А не сияние святости» [7, с. 97]. Аллюзия на известное высказывание русского религиозного философа о том, что мадонной можно любоваться, но вряд ли можно перед ней молиться, довольно часто используется ортодоксальной критикой в качестве весомого аргумента.

Иронически воспринимая «обличительные» речи монаха, поэт напоминает ему о человеческом происхождении Пречистой, о том, что этот мир и творчество в нем освящены плотью и кровью Богочеловека: «Так умертви свои уста, / Отвергни Боговоплощенье / Внимая плоть и кровь Христа / И принимая Причащенье!» [7, 99]. Евангельской реминисценцией («Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» – Ин. 6:53–54) Ю. Кузнецов провозглашает христианскую мысль о Спасении, которое достигается не законническим исполнением ритуалов и догматов, не религиозной риторикой, но верою в Иисуса Христа («Как ты уверовал? Как возлюбил ты Христа?»). Тем самым Ю. Кузнецов разграничивает «несвободное подчинение» (Д. Лихачев) Закону в противовес «Благодати и истине в сердце Христа», не усматривая при этом пропасти между «делом мирским» и «благодатным»: «Искусство смешано. Пусть так. / Пусть в нашем поле плевел много. / Но Богу дорог каждый злак. / Ведь каждый злак – улыбка Бога» [7, с. 98].

Автор предельно заостряет ситуацию, делегируя сообщения важных для ортодоксального сознания постулатов инфернальному персонажу («врагу»), который тут же исчезает при имени Христовом. Аллегория весьма прозрачная: мудрствовать и судить об искусстве в несвойственной ему системе координат, а тем более в свете реальности «последних вещей и последних событий» – не от Божественной истины, а, скорее, от лукавого.

О взаимоотношениях религии и творчества пишет С. Булгаков в «Свете невечернем», тонко замечая: «Всякая гетерономия целей противоречит природе искусства, оно существует только в атмосфере свободы и бескорыстия. Оно должно быть свободно и от религии (конечно, это не значит – от Бога) и от этики (хотя и не от добра)» [8, с. 27]. Как видим, хотя поэзия и Вера имеют в своей основе Божественный глагол, – это все-таки разные, несмотря на точки пересечения, сферы духовного существования человека, о чем говорит в своих статьях и стихах Ю. Кузнецов. Насколько перекликаются взгляды русского религиозного философа и современного поэта-мыслителя, свидетельствует такое его высказывание: «Поэзия, конечно же, связана с Богом. Другое дело, что сама по себе религия, и особенно религия воцерковленная, может существовать без поэзии. В то время как поэзия без религиозного начала невозможна. Поэт в своем творчестве выражает полноту бытия, не только свет, но и тьму, поэтому ему трудно быть вполне ортодоксальным, не в жизни, конечно, а в поэзии». Поэтологические взгляды Ю. Кузнецова во всей полноте отражаются в его творчестве. Одухотворенная светом высокой Истины, поэзия Ю. Кузнецова находит художественную форму, достойную Ее воплощения.

Список использованных источников

1. Кузнецов Ю. Воззрение // Кузнецов Ю. Крестный ход: Стихотворение и поэмы / Ю. Кузнецов. – М.: Сова, 2006. – С. 7–27
2. Михайлов В. Крестный путь Юрия Кузнецова / В. Михайлов // «Он стоял перед самым Ответом...». Юрий Кузнецов – поэт и мыслитель. По материалам конференции. Книга первая. – М.: Московская организация СП России, 2007. – С. 57–109.
3. Языкова И.К. Богословие иконы (учебное пособие) / И.К. Языкова. – М.: Издательство Общедоступного Православного университета, 1995. – 221 с.
4. Кузнецов Ю. Путь Христа / Ю. Кузнецов // Наш современник. – 2001. – № 2. – С. 3–24
5. Кузнецов Ю. «Рожденный в феврале, под Водолеем...» // Кузнецов Ю. Избранное: Стихотворения и поэмы / Ю. Кузнецов. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 3–6.
6. Исупов К.Г. Путь в лабиринте / К.Г. Исупов // Кануны и рубежи. Типы пограничных эпох – типы пограничного сознания. В 2-х частях. Часть II. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С. 431–443.
7. Кузнецов Ю. Поэт и монах / Ю. Кузнецов // Наш современник. – 2004. – № 1. – С. 96–99.
8. Булгаков С. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения / С. Булгаков. – М.: Республика, 1994. – 415 с.

Розглянуто поетологічні погляди Юрія Кузнецова на проблему взаємовідносин творчості й віри, що відображені в його поезії, есеїстиці, інтерв'ю. Особливу увагу приділено роздумам автора про межі творчої свободи у зверненні до сакральної тематики й образності. Проаналізовано ре-цепцію образу Ісуса в поемі «Путь Христа», пізню лірику поета, виявлено константи його поетологіч-ної концепції.

Ключові слова: проблема «християнство й література», міфологема шляху, традиція, мо-тиви богошукання, образи-символи, національна ментальність.

In article poetological views of Jury Kuznetsov on a problem of relationship of work and the faiths reflected in its poetry, an essayistics, interview are considered. The special attention is given to reflections of the author about borders of creative freedom in circulation to sacral subjects and figurativeness. «The way of the Christ», late lyrics of the poet are analysed reception an image of Jesus in a poem, constants of his poetological concepts are revealed.

Key words: a problem «christianity and the literature», mythologem of way, tradition, motives of God-seeking, images-symbols, national mentality.

Одержано 12.09.2013.